

Кармен-сюита про Иванову без оркестра

Лидия Иванова:
«Я — Кармен и во мне нет ни капли робства!»

НА ЗВОНИТ в полночь и торжественно сообщает: «Все. Начинаю новую жизнь: не ем после семи, не раз-

мениваюсь по мелочам, делаю сольную программу, а по утрам — зарядку». «Господи, — думаю я, — дай Бог мне сил в шестьдесят лет начинать новую жизнь!» Новую жизнь она может начинать не единожды. Но непременно с азартом непоколебимой уверенности, что это — навсегда. Она шагает по жизни с удовольствием, меняя амплуа, не пристегиваясь ни к чему и ни к кому на века. Подруги обижаются, но прощают. Потому что всегда выручит, потому что не жадная, не скрытная и с ней всегда интересно.

Однажды мы оказались на премьере спектакля в одном из московских театров. После спектакля был организован небольшой «фуршет» с бутербродами и шампанским. Почему-то артисты и приглашенные чувствовали себя скованно, в воздухе повисали паузы, напряжение. Страшнее скуки зверя нет. Тогда она встала и решительно заявила, что будет петь. И запела: «Однажды морем я плыла...» Припев уже все подтягивали дружным хором: «Ай-ай-ай, в глазах туман, кружится голова-а-а...»

«Жизнью нужно наслаждаться», — говорит она. То есть самозабвенно занимается аэробикой, флористикой, выступает в концертах, писать статьи на вечную тему любви, петь в народном хоре, записаться на лекции, по-студенчески наполняя копилку знаний, просто творить у плиты. И все это ей нужно сразу.

Вокруг стоит массовый стон — все жалуются на жизнь. По меркам стандартного нытика, стонать должна она, и совершенно обоснованно: хронически болят ноги, другие болячки одолевают, живет одна, некому отремонтировать, извините, унитаз, хамят организаторы концертов. Но она говорит: «Я ненавижу несчастных людей. Это преступление перед жизнью». Размашинистым жестом сметает проблемы — переставляет мебель в квартире или громко среди ночи самозабвенно затягивает романс: «Не уходи-и-и, побудь со мно-о-ю...» Наутро соседка Машка с нижнего этажа бежит жаловаться в домоуправление.

У нее психология победителя — не держит зла, не жалуется, не плачет. Состояние «кручины» длится, ну, максимум... дня два. Давно перестав жить по стереотипу «все как у людей», она живет «не как все», совершая странные для окружающих поступки. Преподавала на кафедре педагогики и психологии в институте, даже «дослужилась» до декана. Скучно стало — бросила, ушла. Еще до перестройки не захотела «строить коммунизм за зарплату». Объяснила: «Я позволяю себе быть такой, какая есть».

Она пронзительный психолог. Кладезь бесплатных мудрых сове-

Она заполняет пространство осязаемым энергетическим полем. Ярко одетая, в шляпе или без, высокая и большая, она громко говорит и очень громко смеется. Ее уволили из «Темы» за то, что «лицо демоническое и обаяние отрицательное». Ей было одновременно и смешно, и обидно.

тов. Известно, что давать советы дело неблагодарное. Она это понимает и при мне сама себе адресовала гневный монолог: «Лидия Михайловна, не вляпайся в историю! Не давай советов, когда их у тебя не просят». Но «вляпывается» и дает. И слава Богу: люди часто не понимают своего счастья! Подруга ей как-то сказала: «Ты, Лидка, как широкая река — и каждый хочет напиться».

Ее, как и любую женщину, и любила, и бросали мужчины. Но при этом она всегда их защищает «как самый слабый и угнетенный класс». Жалует: «Им грудней, чем женщинам». Любовь — знамя ее жизни. Важнее славы и денег. Идет с флагом одна: слева — никого, справа — никого. Но она продолжает нести свой флаг и по правде вывешивает его на балкон, когда приезжает ее «вечно любимый второй муж». Прохожие думают, что начались выборы.

Она начинает новый день, заворачивая любой эпизод своей жизни в завлекательную обертку. Слушаешь, завидуешь, а потом понимаешь, что все это и у тебя лежит под носом. Только взгляни под другим углом и укрась розовым бантиком. Минувшим летом собралась ехать на концерты в Ханты-Мансийск.

Предстоящая поездка в ее изложении выглядела заманчивой и волшебной. Посвященные начали завидовать, как будто речь шла по меньшей мере о путешествии в Париж. Все говорили: «Везет же — едет в Ханты-Мансийск!» Сварит грибной суп, убедит — вкусней ничего на свете нет. Влюбится: так граф Монте-Кристо по сравнению с предметом ее любви — жалкий мужичишко.

Я, кажется, поняла, в чем ее неповторимый колорит. Все дело — в шляпе: чтобы избежать однообразия и скуки, и посуду иногда моет, надев любимый головной убор. Однажды она мне счастливо сообщила, что к предстоящей серии концертов купила две новые потрясающие шляпки. Я выдохнула: «Боже мой, которые по счету?» Рассмеялась так, как может смеяться только она — как грохот водопада: громко, заразительно, раскатисто. И голосом маэстро изрекла: «Наступил черный день в ее жизни, и она купила себе пятнадцатую и шестнадцатую шляпки!»

Очередную обновку, приходя домой, она надевает на белую гипсовую голову какого-то философа, стоящую в углу рядом со шкафом. Получается замысловатый яркий шляпный каскад с философским смыслом.

...Отчитает за нытье, уверенно подчеркнет незаурядность. Идет жертва несостоятельности домой и думает: «Боже мой, до чего же я талантлив!» Она это называет «посеять семена». А взойдут не взойдут — от личности зависит. Кстати, некоторые, отправившись в самостоятельный полет, уверены, что это они сами быстро-быстро крылышками махали, вот и взлетели. Она не обижается. Талантливым прощает все. Тайна божественного дара не дает ей покоя — что он есть такое, откуда он взялся, что за ним стоит?

Ее жилище — однокомнатная квартирочка, в «хрущобах» у Савеловского вокзала, которая, безусловно, мала для ее фигуры и характера. Многие, попадая к ней домой, не скрывают своего удивления по поводу отсутствия снобизма в запросах. Преуспевающий певец, придя к ней в гости, с неподдельным изумлением все время повторял: «Как вы можете так жить?» Первой не выдержала подруга и, как школьная учительница, отчитала несмышленного ученика: «Эти обстоятельства не могут заставить ее стать несчастной».

Я заметила, что в ее комнате всегда убран и блестит ухоженностью только один угол. Всякий раз не тот, другой. Она добросовестно начинает убирать квартиру, но куража хватает на пару-тройку квадратных метров. В конце концов бросает это занятие, успокаивая себя сентенцией: «На свете есть дела и поважнее». Когда я в очередной раз пожаловалась ей на заедающий быт, она решительно сообщила: «Иногда нужно просто повернуться к быту задом, сесть на него же и заняться творческой работой».

Метод мной опробован. Уверюю — помогает.

Вы спросите, чем же она теперь занимается? Встречается со зрителями, выступает с концертами, сочиняет сценарии. Создает собственную Кармен-сюиту, где, независимо ни от кого, отводит себе главную роль. Живет — не тужит. Всего, что у нее сейчас есть, — популярности, известности, сотен публикаций, книг — она добилась сама. Без страховки и меценатства.

Есть, правда, боля, которая как пивячка, присосалась и не дает покоя. Однажды собрала чемодан, прихватила подушки и пришла в дочернюю семью, намереваясь бросить все — работу, планы — и посвятить себя молодой семье и внукам. Но быстро поняла, что жить немо, как рыба, помощницей по дому, не сможет. А говорить и вмешиваться в семейную жизнь — занятие абсолютно неперспективное. Да и никому не нужно.

— Лидия Михайловна, как вчерашний концерт?

— А, ты об этом. Это прошло, я уже забыла. Вот лучше послушай, какие у меня планы... С этим я обсудила... Сдаю статью... Сегодня еду... Слушай, как ты думаешь, моя черная накладка с меховыми помпончиками хорошо будет смотреться на сцене?

Людмила СТОЛЯРЕНКО